

Serbska gęśla, ruska lira
Konająco zaszeleszcze.

(«Skarga wieszczka»).

Так бывало в эпоху Люмира,
В эпоху Бояна, — но еще и теперь
Сербские гусли, украинская лира
В минуту смерти зашелесят.

В поэме «Степной дух» Богдан Залеский рисует образ:

Guslar — gęślarz złotostruny —
Sam król pieśni — Bojan kroczy,
Na kolanach gęśl podaje
Na słowiańskie wszystkie kraje...

(«Duch od stepu», XVIII... 1836).

Гусляр — волшебник золотострунный —
Шествует сам король песни — Боян,
На коленях гусли обращает
Ко всем славянским странам.

Юлиуш Словацкий в поэме «Бенёвский» с глубокой проникновенностью и с большим художественным чутьем говорит о лире Бояна; не сам Боян, а его лира, заменяющая гусли, ни с чем не может сравниться, если кого-нибудь мучает тоска; здесь образ лиры, а не гуслей — поскольку речь идет об Украине — принимает на себя основное, ведущее содержание описываемого настроения; этот образ лиры выдвигается поэтом на передний план; а это в свою очередь достигается повторением четыре раза слова «лира» в его разнообразных семантических оттенках в одном четверостишии и выделением именно не какой-либо лиры вообще, а «лиры Бояна»:

.. Siadł (Wernyhora) i rzekł: Ludzie... wy lirę Bojana
Schowali w grobie. — Liry rozmaite
Brzęczą po świecie — tam gdzie żal doskwiera...
Lecz niema drugiej liry, jak ta lira...

(«Bieniowski», VI, 105—112. 1841).

Сел (Вернигора) и сказал: Людн... вы лиру Бояна
Схоронили в могиле. — Разнообразные лиры
Звучат в мире — там, где мучает тебя тоска...
Но нет другой лиры, как эта лира...

Однако поэтический образ древнерусского Бояна не только связан с лирой; он является и символом свободы и красоты человеческой песни, которая живет в степных цветах и птицах, словно ветер Украины. Отсюда возникает словесное сочетание — «степь Бояна», что дает особое представление о свободной цветущей степи. Это лучше всего дал почувствовать Юлиуш Словацкий в словах Свентыны, обращенных к Саве Чалому из поэмы «Бенёвский»:

... Ja ci ubiorę w brusznicie
Korowaj — sama pójde w step Bojana,
Gdzie mi śpiewają kwiaty i żorawie:
A spać nie będę na wproszonej ławie.

(«Bieniowski», V, 272—276).

... Я для тебя украшу брусничкой
Свадебный хлеб — сама же пойду в степь Бояна,
Где мне будут петь цветы и журавли:
Но спать на силком навязанной скамье я не буду.